

Руслан СИДОРОВ

Поэтические сочинения

Книга третья

Алтайская тетрадь

**Новокузнецк
2018**

Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя

Руслан СИДОРОВ

Поэтические сочинения

Книга третья

Алтайская тетрадь

Новокузнецк
2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С 34

Сидоров Руслан Геннадьевич

Поэтические сочинения : книга третья : **Алтайская тетрадь** : стихи / Руслан Сидоров ; составитель – Сергей Ерофеев, редактор – Татьяна Николаева ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя. – Новокузнецк, 2018. – 79 с.

16+

© Руслан Сидоров

СИДОРОВ
Руслан Геннадьевич
(1968 – 2013)

A handwritten signature in black ink, consisting of several overlapping loops and a long horizontal stroke at the bottom.

«Майская» осень Мастера-Мая*

Всякому поэту – своя осень. Есть такое расхожее выражение. И пусть никто не скажет наверняка: действительно ли «природы увяданье» способствует обострению поэтического восприятия, или это дань памяти «нашему всему», как охарактеризовал «солнце русской поэзии» Аполлон Григорьев, – но у Руслана Сидорова была главная осень, – осень-вспышка, как ни странно, оказавшаяся «Майской».

Конечно, это каламбур, и сказать так, не выйдя за рамки литературных норм, нельзя, но соблазна избежать непросто, ведь «Болдиным» будущего Мастера-Мая** стал затерянный в отрогах Бийской гривы посёлок Майск (или Майский, как многие по прежнему продолжают его именовать). Поэтический дневник без малого трёх месяцев алтайской авантюры впоследствии и стал сборником, вступительную статью к которому Вы, читатель, пробегаете взглядом.

Почему авантюра? Майск – посёлок приисковый. В конце лета 2005 года, устав от хронического безденежья и надеясь на достойный заработок, Руслан отправился разнорабочим на золотодобычу. Затея, в материальном плане, окончилась для него ничем, творческий же результат оказался более чем весом: десятки стихотворений, написанных живым и таким узнаваемым языком – зрелым языком мастера слова.

Что в этих строках? Каторжный труд в бригаде, мужицкие попойки (а куда без них?), ирреальная красота дремотных

* *Пожизненным званием Мастер-Май и прилагающейся к нему синей банданой Руслана Сидорова наградили коллеги по перу – участники Первого форума поэтов Кузбасса «Во весь голос», проходившего в Кемерове 19–22 мая 2011 года.*

** *Название посёлку дал ныне не существующий Майский золотой рудник, обязанный, в свою очередь, именем ближайшему ручью. Несмотря на то, что рудник существовал лишь с конца пятидесятых, золотодобыча по реке Каурчак ведётся с дореволюционных времён.*

предгорий, образ туманной и далёкой Музы, размышления о смысле существования и предназначении Поэзии и Поэта, столь свойственные Руслану.

Удивительно, но при всём тематическом и стилистическом разнообразии и обилии подчас нелёгких для восприятия речевых и смысловых конструкций, «алтайская» тетрадь представляется по прочтении единым, цельным произведением. Похоже, сама среда написания слагающих её текстов, – среда, и воспетая, и проклятая Русланом, – сращивает их в монолит.^{***}

Она пронизывает тело тетради, угадывается между строк, формируя её контекст с самых первых, исполненных света и воздуха, тёплых августовских деньков, до последних тревожных бессонных суток, спаянных в бесконечный цикл размышлений о трагической предопределённости будущего.

Глухой горно-таёжный угол: брезентовые палатки, покосившиеся избы, суровые, особого склада люди, спирт и чифир, шурфы и драги, – отторгнутый цивилизацией и чудом уцелевший старорежимный мир старательского фронта, не принятый поэтом, но пройденный и прочувствованный им. Мир, где в избытке одно золото – золото листопада, превращённое в филигрань ритмов и рифм искусным стилем.

Таково «Болдино» Руслана Сидорова. Читатель, переверните страницу и приобщитесь к нему...

Сергей Ерофеев

^{***} Следует упомянуть, что такому эффекту способствовала и некоторая редакторская правка: материалы подчеркнуто-личного характера, ряд незавершённых стихотворений, а также спонтанные наброски, не вошли в итоговый вариант сборника.

* * *

В сентябрь вновь расцветают «огоньки».
Скромнее майских, майских неприметней.
Посёлок Майский. Лагерь у реки.
И день по-женски тёпл, по-бабьи летний.

И золото, что роем у земли,
Набросано поверх её в достатке.
И огоньки ещё раз расцвели.
Моя весна придёт ко мне под старость

Спокойно-мудрой, ясной, золотой.
Что всё не зря – в сентябрь станет ясно.
Я стану огоньком, а может, ямбом,
В альбоме чьём-то, лёгшем на листок.

* * *

... На моих плечах лежала нежность,
И я слушал розовые губы...

Если б я был ветром, то я дул бы
В август-окарину* . Только это.

Между рук моих была планета...
Нет – звезда... Нет – право, я не знаю.

Если б я был небом, то вместил бы
Нас двоих, но небо не вмещало.

И я слушал розовые губы,
Что солёным шёпотом вещали;

Я запомнил только «но» и «не», и «будем»,
И ещё вот это – «никогда».

... Лёгкой нежной тяжести не стало
На моих плечах; ах, если б – сильных.

* Окарина – один из древнейших музыкальных инструментов – глиняная флейта, как правило, яйцеобразной формы; распространённый алтайский сувенир.

* * *

Холодая голубизна,
Чья глубь всегдашняя без дна.
И локон, что лишь сдунешь, – снова,
Ладонь, что лист осенний ждёт,
И дождь, когда она идёт
С работы в среду в полшестого,
И лёгкое дыханье, и...
Уже достаточно двоим
Припомнить реку и рябину,
Бой с ветром, сердца перебой,
Ещё, ещё... и перебор,
И рифма сложная – мы были.

* * *

Много ль нужно помнить? – Нет, не очень:
Что уходят, чтоб домой вернуться.
Красота и тут, и там – несрочна.
Перед смертью лучше улыбнуться.

Помнить, что для жизни, кроме песен,
Размышленья благородным впору.
Человек собою интересен.
Только точка может быть опорой.

* * *

Но как шершень осу уносит,
Засекает задумку память,
Я подумал, что завтра будет
Обязательно и надолго.

Дети в школу внесут букеты
Под небудничный бубен звонкий,
И никто не умрёт в печали,
А тем более – от бессилия,

И в толковый словарь запишут:
«Осень – лучшее; встреча с лучшим».
И, всекаясь в сентябрь, осы
Станут солнцем, листвою, лаской.

* * *

Для вдохновения не нужно выбирать
Особых мест, времён иль их единства.
Для действия: трезвость, чай, перо, тетрадь,
Конечно, и талант бы пригодился.

Но, коли нет, то просто от души,
Как свыше положили, как услышал –
Без отсебятины дословно запиши.
Кто – как, а мы с тобою так и пишем.

Так и поём сегодня, поллюбя
В себе себя, вокруг – всё остальное.
И рифмами скрепить слова, скрипя,
Не успеваешь пёрышко стальное.

(Не я придумал вечное перо.
А жаль – не я – придумано прилично).
Октябрь, золотое серебро
Росы в косых, и никого из лишних

Вокруг. Кругом – тайга, река, гора
И тишина, насыщенная светом,
Собой, рекой и песенкой пера –
Что жизнь есть жизнь в любви,
что смерти нету.

* * *

Легко без рифм и без безрифмья
В сентябрьский полдень на горе
Смотреть, и слушать, и смотреть,
И слушать. Речка... Окарина...

Лишь голос мух, лишь голос ос
Из голосов живых в осеннем.
Легко, без ритмов, без часов,
Лишь листья стучались о землю,

Лишь солнце сыпало песок
В сентябрь золотой... червонный
Свет. Нету лишних голосов.
На свете есть покой и воля.

* * *

Легчайший солнечный текстиль,
Развешенный по листьям веток,
Обычно называют светом,
Но необычность – это стиль
Стила поэта.

* * *

Пространство легко и открыто –
Сентябрьский солнечный день,
Осеннею молью побитый.
Лист плавает в хладной воде.

И радостно даром, шагая,
Растрчивать времени скарб;
И чёрные галочки галок –
Как метки на синьке листка.

Листок записать и заполнить,
Запомнить и не забывать:
Сентябрьский солнечный полдень –
Махровую охрой листва.

Чтоб позже, в остуду и слякоть,
Горе воздавая, прочесть,
Что жить хорошо – низачем,
А смерть... – так и нечего плакать.

* * *

Ох, как красиво! Всё в междометьях.
Больше не скажешь ахов да охов.
Северный ветер, стих на рассвете,
Синий туман да возгласы вздохов.

Я на работу при полном параде:
Пара сапог да спецовка с банданой.
Дело поэтов идти на-гора, и
В гору шагаю с рюкзачным приданым.

Синий туман разбавляется жёлтым.
Осень стоит, словно девка на выдан.
Ох, хорошо мне! Ах, хорошо мне!
В гору, а значит, жизни на вырост.

То, что прошло, стало тесным не в пору.
Осень-невеста нарядна, как сказка.
Тянет магнитом синее в гору –
Тема бродяг, верхолазов и скальдов.

Сердце, глупея, нальётся рябиной.
Даже кедровки поют соловьями.
Нас не любили, или любили –
Не всё равно ль, если любят нас явно.

Ясно, как свет. Вот и впитывай, память.
Пицца НЗ на чернотные ночи.
Солнце поднялось. Росы упали.
Вот и вершина, и жизнь. Многоточие.

* * *

О, Господи! За что такое всё?
Кому? И мне? И мне равно со всеми!
Ужель и вправду всяк тобой спасён
Уже сейчас, за день до воскресенья?

Вокруг пихтач. Привычны комары.
Есть чай и даже, Господи, сгущёнка.
Я проиграл. Но результат игры –
Да вот он, здесь. И что мне счёт! Что счёты!

Так слишком не по-свойски хорошо,
Что страшно жить вперёд навстречь другому.
Но буду, ибо и сюда дошёл,
Не зная ничего за дорогое.

Да, дорогая. Вот так реприманд* :
Из грязи в князи. Размотав портянки,
Князь пальцами шевелит, и роман
Становится романом без натяжки,

С романским «R» хрустящего костра
Под флейту ветра и сурдинку гнуса.
И даже, если завтра умирать, –
В сегодня всё, чтоб спеть и улыбнуться.

* В данном случае – неожиданность.

* * *

Где Лациум? Где мы? И где Эллада?
Где я? Я на Алтае, он горист.
Здесь не растут Парис и кипарис.
Елена не прекрасна. Ну, и ладно.

Сегодня понедельник. Трудный день.
Похмельному трудиться неохота.
Всё началось, мне кажется, в субботу,
В шабат-шабаш, и до сих пор мне лень.

Эллада где? Где Лациум? Где я?
В палатке я. Похмелье. Понедельник.
Не в радость мне вчерашнее раденье,
Демьянов спирт. Я сам себе Демьян.

Алтай горист. Река здесь – Хуанхэ*
От драги, что стоит в её верховьях.
Где я? Где, исключительно на «хэ»,
Все рифмы в понедельник мимо схолий.**

И то, что небогат запас словес...
И то, что месяц осени унылый...
Опасно жить. Сентябрь. Ветер. Вес
Похмельной головы. Душа изнылась.

* Хуанхэ, то есть «жёлтой» рекой, в стихотворении названа река Каурчак, заиленная драгой.

** Схолии – комментарии, часто довольно обширные, на полях античных рукописей. Фраза «мимо схолий» равнозначна общепотребительной «без комментариев».

Где Лациум? Где я? Эллада где? –
В Караганде – рабочим эвфемизмом.
Но жизнь, переломив меня сквозь призму
Свою, перо даёт, не барствуя, радеть,

Как те до нашей эры, но не так, –
Не то что хуже, скажем так, – беднее.
Не Лациум, Эллада – но Алтай,
И иже с ним душа, и иже с нею

Всё остальное: осень, дождь, вода
Сжелта-реки, заглиненная драгой.
Охота жить, но никого нет рядом.
И эта ода водке, господа.

И эта ода до смерти грустна.
Опять же – осень. А точней, сентябрь.
И водки нет. И вовсе не до сна.
И жизнь нейдёт, но на кого-то тянет.

И «на кого ты тянешь, стрекоза?»^{***}
Здесь стрекоза у Бродского для рифмы.
А у меня – для Бродского и ритма,
Для лирики, для против правил. За

^{***} И ритм стихотворения, и приведённая строка, и рифма действительно позаимствованы автором из «Разговора в разговоре» Иосифа Бродского – в первоисточнике рифмуются «глаза», «за», «тормоза», «стрекоза» и «буза».

Постмодернистский перебор цитат.
«Чужое слово» даже на Алтае –
С похмелья родное, ибо так
Душа чужим живёт и прирастает.

В поэзии, где слово «плагиат»
Имеет смысл отличный и отличный,
Я сам себе палач и сам ПиАр.
Эллада где? – Где я – я там не лишний.

Я здесь. Скажи ещё раз так: я здесь.
И там, где я, там всё моё со мною.
Эллада где? Где Лациум? Везде,
Где я. И дела нет до остального.

* * *

Только с голоса можно списать слова
В знаки нотных полос тетради.
Только осень играть со златом – права.
Лишь тетраэдр с пятым – праведен.

Вся и соль в том, что суть, что на слух уловил, –
Невесомее и лучистее.
Несомненное чуткое сердце любви
Учит лучше учителя.

Только место, что пусто, к себе зовёт.
Только время, что вместе, – лечит.
Только осени свист услышав в листволет,
Усекаешь, что скоро вечер.

Скоро голос усохнет, как лес, как лист,
Золочёный самим собою.
Только голос и слух полюбить у земли
И лететь налегке, с любовью.

* * *

Ты в свете – вся, и свет идёт с небес
Сквозь окна листьев, а не стёкла окон.
Весь этот лес принадлежит тебе,
И на твоём значке – змея и сокол.

И осень отступилась и стоит.
Лишь лёгкий лист, вострепетав, слетает
К твоим стопам на золоте земли
Для новых рифм: «весталка» и «гетайра».

За это я люблю вот эту жизнь:
За незаслуженность как дара, так и кары.
Непогрешима? Бог с ней, погрешим,
Поставив рай и яблоко на карту.

* * *

Судьба... Два слога, как в «Ау»,
Когда лес сумрачен, и страшно
Блуждать и крикнуть «Караул!»
И разбудить судьбу ли, стражу,

И – врачу, исцелился сам*, –
Молчишь, но горло бредит рифмой.
И вот судьба ли, небеса
Даруют лист и острый грифель,

Что режет жизнь напополам
И вечно пребывает в центре.
И вот звонят колокола
Тебе, не по тебе, не в церкви.

Судьба... Два слога, как в «Ау»,
Когда лес сумрачный бескраен.
Услыша звон, бесстрашен странник,
Идёт, бо избранных зовут.

* Не так уж часто в стихотворениях Руслана Сидорова встречаются библейские цитаты и аллюзии. Тем интереснее, что здесь их сразу две: «врачу, исцелился сам» – прямая цитата из Евангелия от Луки (гл. 4 ст. 27); «идёт, бо избранных зовут» переосмысливает «много званых, но мало избранных» из Евангелия от Матфея (гл. 20 ст. 1).

* * *

Бог справедлив по-своему ко всем:
Кому-то сила, а кому отвага,
Кому-то золото, кому бумага,
Кому-то пашня, а кому-то сев.

Но если б довелось мне выбирать,
То выбрал бы себя себе ещё раз,
Дабы, на нуль перещелкнув все счёты,
Куриль беду, играть и проиграть,

А, – коль Бог даст, – кое-чего ещё там.
Вот это и зовётся – фатализм:
Без веры знать, что свыше предначёртан
Путь каждому от неба до земли.

(Стихотворение не закончено)

* * *

Писать о том, что знаешь: о дождях,
Напитках алкогольных и горячих,
О том, как покидают, не дождась, –
Что знаешь то, что ничего не значит.

О том, что ты из жизни прочитал,
Усвоил и теперь своим считаешь,
О том, что жил бы этак или так...
Как было нужно – до смерти не знаешь.

О том, что врёшь, «не знаю» – говоря,
О зависти, о подлости, о слове,
О том, что день грядущий мне готовит
Языческую бедность словаря.

О безднах, разделяющих людей,
О небесах, для большинства молчащих,
О том, что можно быть счастливым здесь,
О даре жизнь раздаривать несчастьям
Ради письма вилами по воде.

* * *

Есть близость душ, есть тел, как будто сил.
Но если б довелось у Бога мне просить,
Я б попросил: быть дальним, быть уродом
Среди людей. Я не люблю народа,
Который жил и проживает на Руси.
Себя, как Русю, тоже не люблю,
Особенно с похмелья и без денег.
Гордыня унижает, что не плюс,
Но длится, возвышая до безделья,
До невмешательства, до пренебречь любим
Путём любого, что не личное, а в личном.
Влюбиться в золотое с голубым,
Что свыше – всем, и даже тем, кто лишний.
И если правда центробежно зло,
То зло мне здесь, равно за горизонтом,
Куда меня от ближнего несло,
В размеренность и жизнь несло озоном.
Несло зимой, во все концы мело
До холода, до полюса, где милость –
Такое зло, что от себя везло.
И пусть сейчас ты в смерть переменялась:
Я был уродом, ибо – повезло.

* * *

Простит простоволосая трава
Смертельную косу, и не осудит
Секущих струй осенняя листва.
Так было. Так должно быть. Будет.
И ты, – пройдёт неспелости пора, –
Научишься неспешности природы.

Как высока – в миноре – пастораль...
Как дороги в предсмертной жизни годы...

* * *

Тучи ушли. После разоблачения
небо синей чистоты.
Это туда никогда не исчезну я,
став составляющей ты.
Это сильнее моего понимания,
что я составлю из слов
Жизни, всю жизнь меня в смерть обнимающей.
Синее небо светло.

* * *

Сегодня будет день хорош:
Созвездья в ночь, с утра – туман.
В червонном золоте корон
Нагорный лес и горный храм.

Так перед снегом жизнь щедра:
Во всей красе осенний бал,
В червонном золоте гора
И журавлиная труба.

На фоне полной тишины,
Впиваясь солнечной иглой
В пластинку льда, звучит иным
Нечеловечески-иной

Мотив. Тогда откуда мне
Он внятен так, что каждый такт
Уводит к истине вовне?
Наджуравлина высота

И там, и тут; и тут, и там,
Во мне, вовне – одно в одно –
Жизнь, осень, смерть и высота –
И нет иного; нет иной.

* * *

Начать прилично с мелочей,
Дабы дойти до обобщений.
Зачем? А кто бы знал, зачем?
Зачем – кто знает – вообще всё?

Никто, я думаю. Никто.
Ушёл туда, куда не знамо.
Есть знамя – запад, есть – восток.
Свет сумеречный одинаков.

К полудню переменчив юг,
Но полюс, – вечно верх и север, –
Как полюбилось, так пою,
Юг, запад и восток отсеяв
За вечноюный неуют
Сибири или всей Расеи.

* * *

«Друзья». Я знал всегда, друзья,
Что слово это – подоплёка
Неявной близости с далёким,
Где некогда бывал и я.

Всё реже, реже в те края
Впадает в обмороке память.
Я не один, пока я с вами...
Типа того... пока я пьян.

* * *

Опять сентябрь. Старый маскарад
Деревьев. Птиц не слышно – улетели.
Что нового, унылая пора?
Лишь нары саморубленной постели.

Куда ни путешествуй, всё своё
С собою уносящий будет дома.
Зелёный чай, и Бродский, и на «ё»
Похмелие, и преферанс, и доля

Ирония скепсиса в наречье «хорошо»,
Неизречённость чувств и нареканья:
«Смотри! Един лишь раз!» И вот – стишок.
У речки, между прочим, на закате.

* * *

Нету желанья работать, стенать, возражать,
Просто сидеть, и играть, и отыгрывать гору.
Из горловины вино передвинулось в горло:
Горько, как горько, – и всё ж отчего-то не жаль.

Нету желанья, радости, смысла, слуги.
Есть сапоги и портянки, кайло и лопата.
Жизнь не театр, но прочная школьная парта.
Впрочем, коль очень, то это... с урока сбеги.

Нету отчаянья, счастья, часов и зеркал.
Есть отраженье, и жизнь, и желание выпить.
Скоро октябрь золотою листвою засыплет
Ямы шурфов, где ты золота не отыскал.

* * *

1.

Октябрь – скоро. Ночи холодны
И звёздны. Благо, что берёза,
Особенно сырая, не сгорает
Подолгу, но зато сгорает жарко.
И всё же в пять утра в палатке ноль.
Ощупывая ночь, ищу дрова,
В помощниках созвездия и спички.
Октябрь – скоро. Холодно. Темно.
А через полчаса бока красны,
И можно спать, но закипает чайник.
И жалко время, кипятки. А снов
Хватает мне и наяву для пробужденья.

2.

Октябрь – скоро. Скоро ляжет снег.
Окончатся работы полевые,
И я домой поеду, и впервые
За много, много, много, много лет
Я денег заработаю за лето,
И, может быть, случится что-нибудь.
Допустим: отболевшим отболею,
И положу на горькое табу,
И отрекись от смерти Галилеем,
Сказавшим, что видал её в гробу
Вертящейся. Налью и пожалею.
Парариум – палатка, Поты – камни,
Нагретые для ночи, – это осень.

И, как всегда, внезапен первый снег:
При солнце полдня волгая прохлада,
И на зелёных струнах лирных сосен
Злой бисер – ослепительным зрачком.

1 октября 2005

Сегодня первое число.
До дембеля мне две недели.
Туман к полудню разнесло,
И – красота... На самом деле:

Так сочноцветны гряды гор
В осеннем солнечном софите,
Что это... это нужно видеть.
И воздух, налитый тайгой,

Сиятельный, студёный, вкусный –
Хоть ешь его, хоть пей. Вода
Поёт по-шорски и по-русски
Одно и то же: что беда,

Беда пуста, равно – победы,
Что жизнь – движенье, смерти нет,
Что впредь бездомным непоседой
Оно – вполне, вполне, вполне.

Пусть птиц – прости, прощай – не слышно,
Пускай пытается мошкара.
Но – неунылая пора!
Октябрь. Первое. Запишем.

* * *

Целый вечер продолжается вечность.
Целый вечер зажигаются звёзды.
Мы с тобою проживём целый вечер,
Потому что мы с тобой – проживём мы.

Вот такие положил я расклады
И скрепил простою рифмой – в законы.
Я, единожды знакомый с талантом,
А с душой я не однажды знаком был.

Трое нас, аккорда три да три слова:
«Ты да я», и целый вечер – нам песней.
– Мы когда-нибудь увидимся снова?
– А зачем? Когда мы в вечности вместе.

* * *

Всё счастья ждём, но... ожидаем вновь...
Жил ожиданием? – Ну, так и живи.
Ведь даже эта... как её?.. Любовь –
Есть только ожидание любви.

Мы привыкаем к жизни без всего,
Но нашим детям с верой говорим:
«Ты вырастешь... – Ты слушаешь? – Ну вот... –
Полюбишь. Будешь счастлив и любим».

* * *

Мне не на кого жаловаться. Мне
Отрадно то, что всё мне было впору.
И, если опустился, а не в гору
Взошёл, то тоже сам пошёл, и не

Могу ни другу, ни врагу –
За неимением – слово осужденья.
Я одиночество не очень берегу,
Оно меня хранит на самом деле

От слова «ты» (тем более, от «мы»)
И лишь слова пускает близко к сердцу.
Бродяга-бражник, бывший домоседом,
Один в палатке. Месяц до зимы.

Октябрь месяц. Горы и Алтай.
Иосиф Бродский, печка, доски шконки
В каком-то классе той же самой школы,
Где всех делов – сиди, пиши, читай,

На переменах уходи в тайгу
С лопатой работать на зарплату.
Здесь у меня есть чай и шоколадка,
И сигареты не зер гут, но гут.

* * *

Я пишу лишь для тех, кто читает,
Как ни странно, читает ещё,
Кто кротами томов коротает
Хронос дней, и не будет прощён

Жизнью этой за траты без цели
(время – деньги) бесценного дня.
Только кто-то из этих оценит,
А, Бог даст, и полюбит меня.

* * *

Коль красоты я не достиг,
Красивости пора забросить
И перейти на тот язык,
Что беден, как октябрь. Осень –

Давно классический пример
(смотри А.С.) для стихотворства:
Прозрачный и холодный воздух,
И рядом красота и смерть.

Писать, что вижу и живу,
Заметки на ветру и раны.
Быть глуповат, как Голливуд,
И прям, как луч, и прост, как правда.

Пусть кто-то скажет: не стихи...
Но боль не лжёт: ни так, ни в рифму.
Кто жил на хлебе с маргарином,
Тот и в гурманстве слов не хитр.

* * *

По жизни черновик не перечёркивал
И набело с ошибками прожил.
И белочку ловил после по-чёрному,
И с чёртушкой под белую дружил.
За всё платил сполна – собой, безденежный
Бездельник, приобретший календарь,
В котором дни за днями – понедельники.
Не верю воскресенью навсегда.
Не верил, не просил и не завидовал
Тем, кто синиц (и журавлей) ловил.

* * *

Синее, жёлтое, млечный загиб,
Техника писем для левой ноги,
Песен небрежных.
Вот светлячок сигаретный взлетел
И, очертивши параболу, сел.
Пепел безгрешен.

К «цик-цик» цикады плюсуется стук
Ста листопадов. И тысячи штук
Звёздочек-дочек.
Смотрят с небесной тоской на меня.
Не изменял им – засим не винят,
Но медоточат.

Романтика

Летит листва, как искры папирос –
Погаснуть в лужах.
Ей Гамлетом надуманный вопрос
Решать не нужно.

Любой огонь умеет догорать
Красно, без страха.
Звонит хрустальной ложечкой о край
Заката птаха.

Что выбрать между худшим и плохим:
Сгореть, как лето?
Иль пить, когда закончились стихи
И сигареты?

Листопад

Смешалось солнце с листьями,
Что стали лёгкой лестницей, –
Несомой бесполезности
Узорчата ступень.
И входит в раж мажорное,
И в ход идёт минорное,
И пахнет синь мороженым,
И ты слагаешь песнь

Про то, что осень – весело.
За то, что легковесен ты,
По листопадной лестнице
Не падаешь – поёшь
От листика до листика
Про то, что небо близится –
Отличное от личного,
Но всё равно твоё.

Всё, что несётся самостью,
Спасётся невесомостью.
Сердца не для осёдлости,
Крыла не для седла.
Поэты – люди странные,
Поэтому пространство им,
И зов, и вызов – странствовать,
И в сторону – дела.
Помимо дела частного,
Весёлого и честного,

Пока страницы чистые,
Есть жизнь куда сберечь.
Не зная, что получится,
Смерть оставляет лучшее.
Летят листы и лучики
Вперёд и вверх – навстречь.

* * *

Светло под светло-синим с жёлтым,
И лес пустой заполнил свет.
Я и октябрь. Тет-а-тет.
И ничего другого нет,
И пусто в сердце обожжённом.

Светло и пусто. Тишина.
И послевыжившие листья.
И это всё моя страна,
Вся золотом разорена.
Я и октябрь. Третий – лишний.

* * *

Октябрь. В розовой воде
Купаться хорошо и страшно.
И на вес золота весь день,
Который солнечно украшен.

Каратов многократный сноп
Слепит стаккато листопада,
Остепенённа тишиной
Лесной акустика... И пара

Рабочих курит. Осень, лес.
Всё – на горе, под сенью неба.
Царит октябрь на земле.
Но сень надмирней и юнее,

Не разбирая зим и лет,
Раздаривает свету свет.

* * *

Где я? Где я?
Там, где рдеет
На закате лист багряный,
Где с утра туман редет
Над бурьяном,

Там, где грустно
Так по-русски
Молодою смертью пахнет
Листьев в синем листопаде, —
Вот где, Руська.

* * *

Из чего? Из ничего,
Из какого-то молчанья,
Что осенними ночами
Выявляет естество.

А куда? А никуда.
По небу земля летает,
И, ни в чём не видя тайны,
Надо всем горит звезда.

А зачем? А просто так
Заповедано природой:
Переливчатое рондо,
Полнота и пустота.

Что теперь? Терпеть и впредь
Веселиться, злиться, длиться,
Ждать, пока не растворится
Дверь стучащемуся в твердь.

* * *

Вот-вот окончатся хорошие октябрьские
И в тот же миг начнутся те же – нехорошие.
Покуда ж небо бирюзою лишь затянуто
И лист берёзы золотист, и месяц бронзовый.

Ещё в палатке и без печки в полдень – Африка.
Ещё весь день лови загар, а хочешь – харьюза.
И хоть при минусе с утра сегодня завтракал,
Но, если что, то есть плюс сто и выше – париться.

Вот эти – крайние – люблю, как ту, что первая.
Лишь Богу ясно, сколько длиться ясной осени.
И то, что знаешь ты, что вскоре и, наверное,
Прочнее вяжет к этой сини, к этой проседи.

Вот эти крайние. Боюсь сказать – последние.
Стекали летние дожди и бабьелетние.
Здесь каждый лист живым – заслугой и наградой.
Войска ветров прошли, червонного награбили.

* * *

Сыро, октябрь всё сыплет и сыплет.
Спишь. Видишь сны: далеко-далеко
Лациум нежно-лиловых глициний –
Пусть на игольное только ушко.

Тёмно-лилово италиков море,
Тонко, до глуби прогрето, и гладь
Томной волною в витийстве не спорит
С ритмом, что рядом витийствует Флакк*.

По пробужденьи, в простылой палатке
Дождик стучит по полотнищу ритм.
Ищешь портянки... А Лаций, Эллада,
Рим или мир – ты отыщешь внутри.

* Конечно же, речь идёт об одном из известнейших «италиков» – античном поэте Горации.

* * *

Есть костный хруст и есть зубовный скрежет.
Есть тёплый снег в начале октября.
Есть жар и холод, чахлая земля,
В которой – золото. Есть небеса и нежность,
Их женственность, жестокость для живых,
Их гул, свинец, вино заката, проседь
И перистость... Стать листьями травы,
Чтоб смерть встречать, как осень,
Питаясь светом, ветром и дождём
И знать, что никого земле нет ближе.

* * *

Осенний ветер, ищущий тепла, –
Больной бедняк, запутавшийся в листьях.
А кажется, что он от свиста злится
И... раздевает ветку догола.

* * *

Шурша полдневной пустотой
Предсмертья октября в берёзах,
Устав, на землю, как на стол,
(смеркает) наступают слёзы –
Октябрь, стянутый стихом,
В метафору некрофилии.
Того ли ждали от земли и
Неба осень, звёзды, холм?
И злая обнажённость дня,
И неба доброе бесстыдство,
И рифмы, что по мне звонят,
По мне – так не по-монастырски.

* * *

Проигнорировать тему – реальность.
Учишься сам, здесь никто не помощник.
Проинтегрировать сумму обвальных
Дней и ночей получения по морде.

Множь результат мнимую единицей.
Знай, заклинай: это всё – ничего мне.
Если есть место на чистой странице,
То и без воли ты не невольник.

Падшим и впадшим по жизни в немилость,
Как-то: фортуне, судьбе, небесам ли, –
Дар бормотать на мотив неотмирный
Несерафической сферой осталось,
Той, коей центром ты учишься сам лишь.

* * *

Октябрь и, по-моему, среда,
Хоть по погоде видно – понедельник:
Затянутая моросью балда,
Меж палых листьев палая вода.
Повсюду пал. Что остаётся делать?

Да радоваться, чёрт его возьми,
Что был знаком с хорошими людьми,
И был, и есть, и буду назло небу,
Которое позорно моросит.
Кому же хорошо жить на Руси?
Да хоть и мне бы!

* * *

Как славно выпить в октябре,
У печки сидя в старом доме.
Вот дождь за окнами долдонит,
А ты со всех сторон согрет.

Там грусть, и холодно, и мор.
Здесь груздь и хруст поленьев в печке.
И, закуривши «Беломор»,
Возможно помышлять о вечном.

В нирване мирной дремлет кот.
Кружочек колбасы отрежем,
Соорудивши бутерброд,
Сумняшеся ничтоже, врежем.

Тепло, теплей. Грустнее вдруг
С банальной фразы «Жизнь проходит»,
Ты скаламбуришь: «Милый друг!».
И в этом – ни на грош плохого.

* * *

И это будет песня. Я не знаю,
О чём. Но в этот вечер будет песня.
Чем неизвестней, тем и интересней.
И нечего тянуть. И начинаю.

Допустим, о природе и погоде.
Нет, погодим и ждём иного слова.
Суть пауз – в ожидании иного,
Оно само себя на слух находит.

И эта отсебятина поётся
Без аккомпанемента и солиста.
Цигарка курится и дым слоится.
Огонь в печи ещё от кроманьонца

Был призван создавать в доме тепло,
Чтобы начинка стержня не замёрзла.
Часы стучат до всех часов, и Морзе
Одно и то же, и скрипит стило.

Вот в промежуток светло-синих штор
Протиснулся широкоплечий месяц
И говорит: «Ну, что творишь, земля?»
И пялится через плечо в листок.

Хотелось спеть, а вышла ерунда:
Из ста попыток – девяносто девять.
По этому сценарию: что делать?
Навоз, точней, словесная руда

Ждёт от бездарных ремесла терпенья.
И я готов на ночи и года
С мучительницей музыки и пеня
Ходить туда, неведомо куда,
Чтобы хоть раз нарыть стихотворенье.

* * *

Я вслушиваюсь в слова.
Слова со мной разговаривают.
А, чтобы слышней, сперва
Покрепче чаёк завариваю

И, штору задёрнув, жду,
Как кто-то ещё – пришествия,
С верою, что придут
Верней, чем грехи и лишения.

Придут и поговорим,
А нет – парой слов перекинемся.
... Пара... Перо... Кириллица
Оперяющих рифм.

И это зовётся жизнь.
Прочее – прочное – проще что,
Переходит и подлежит
Лишь терпению очного.

* * *

Всё получается из чая,
Из строчки, что подкинул случай,
Из мая, буквы «ч» в печали,
Из памятного поцелуя,

Из целой жизни до сегодня,
Разбега в безбережность завтра,
Инерции пера, что водит
Рукой, из сигарет на завтрак,

Обед и ужин, из пронзённых
Небес осенних синим криком,
Казёнки армии и зоны,
Где мы живём под третьим Римом,

Луны больной, печальнолучной
От одиночества ночами,
Из строчки, что подкинул случай,
Записанной за чашкой чая.

* * *

То листьями сохлыми пахнет
Так тонко, то дымом пахнёт
Так горько, как будто бы – память.
И в воздухе синем синё.

Неслышно свистит в паутинках
Отвесно спадающий свет.
Иголка впила в пластинку
И радиус сводит на нет.

И в боли рождается чистый,
Рождается звук и бежит
Подальше, чем можно исчислить,
Подольше, чем можно прожить.

* * *

От инфляции банкротится октябрь.
Заигрались вольны ветры светом неба.
На октаву горизонт собой растянут –
Предпоследний день Помпеи перед снегом.

То-то радости гуляке-гармонисту:
Что увидел, то и спето, то и в строчку.
Ничего, что этот день укоротился –
Срок до дембеля на день зато короче.

* * *

Ночь. Тишина. Шум сердечного стука.
Ухо в подушке. Не спишь – и не спи.
Всё-таки жизнь – хорошая штука.
Ночь. Час за часом. Терпи.

Вдруг да приснится что-нибудь: море,
Брамса квартет или слива в вине,
Первооткрытие истины в горе,
Или же просто уснёшь, наконец.

* * *

Неравенство – врождённая узда.
Раб и бездарность, стены лбом раскрасив,
Со мной садятся рядом: «Да, ты прав был.
Так, значит, бесполезно?» – «Значит, да».

На лбу моём зажившие рубцы
Теперь уже внушают им доверье:
«Так что ж нам делать?»
– «Кроме стен есть двери» –
«А что за ними?» – «Строчные столбцы».

Болящий дух... Короче, анальгин
Всегда есть под рукой, когда есть ручка.
И, сколь ни тяжек твой тяжёлый случай,
Бурлак по жизни с песней не погиб.

И фальшь – ничто. Надрыв и крик – ничто.
А что же – что? А в этом-то и фишка.
Что сам не знаю, только больно слишком.
Врачует дух исписанный листок.

* * *

Правда у тех, кто сильней и умней –
Истина прошлых и нынешних дней.
Сирым, юродивым выдано здесь
Право, прогнувшись, смирить свою спесь.

Ницше не близок, и та ницета
Тщетна, бо сказано: всё суета
В мире подлунном, а в подлинном том
«Камо грядеши?» – услышим потом.

* * *

Неудачник во всём... как там... кажется, looser,
Равнодушно бредущий по жизни земли.
Только звёзды осенние в траурных лужах.
За своё – без руля и ветрил,

Подрулил к точке В, до омеги – немного,
А до Бога... Но тем интереснее вдаль
Между искр осторожно ступать по дорогам,
Из острога ведущих в моё никуда.

* * *

Ежели жизнь не мираж, то вираж в миражах.
Свет дрожащей звезды и свет сердца под боком
Одинаковы, нечего больше дрожать, –
Кроме страха от боли от жизни под Богом.

Это только кино. Эта жизнь за окном
От вины до вина и обратно.
Так откуда ж я знаю, что всё есть одно?
Я не знаю, но знаю, что – правда.

Сонет

Меж серых изб и неба цвета серы
Мне видится невидимый зазор:
Уйти от рифмы зрительной «позор»
И рифмы вкривь неправильной «Рассея»,

Где (без кавычек) любя, нады, вера
Прошлись по жизни поступью босой,
Свежи, чисты, но это ли не сон?
Не пачкали, как в холле пионеры.

Гармония?.. Раз – грязная изба.
Два – треснутое жёлтое окошко...
Гармония? Здесь даже нет гармошки.

Я на губе играю и судьба.
Фальшивит жизнь, которой так немножко,
И слышится неслышная труба.

* * *

Без артистизма, аристократизма
(где же их взять человеку подполья,
Нищему духом, худому с запоя)
Не по пути с Синей птицей.

Приговор: чёрная кара – каракуль.
Он же – награда и он же – спасенье.
Знаешь, кто знает о воскресенье, –
Верно, что сам умирал многократно.

Это не страшно, это не больно.
Лобное место под лобною костью.
Слово вместить и не выместить злостью
Слева под рёбрами места довольно.

Вот из чего получают песни –
Без артистизма, аристократизма.
Чёрным каракулем в свет воплотиться,
И, чем больней, тем светлей и воскресней.

* * *

Октябрь. С утра – воскресенье.
В весёлых картинках окно.
А выйдешь – и пахнет сиренью,
А снег или грязь – всё равно.

И солнце в осколках бутылки...
И целое небо в зрачке...
И почву целуют ботинки...
И мачо в любом мужичке.

И каждая женщина – дама
Прекрасная (жаль, не знаком).
Всем счастье законным приданым –
Вполне очевидный закон.

* * *

Я сыграю с осенью в карты.
Я сыграю с осенью в бубны.
Эх, расклад мне выпал шикарный!
Всё отдай – а всё не убудет.

Кто же это фортуной так рулит?
Что ни сдача – карта не бита.
Козырь черва – полные руки,
Гроздь красноезвездной рябины.

Было дело – делались ставки.
Под полбанки – банки срывали.
От всех статей листья остались.
Я остался, листики, с вами.

* * *

Наглопались лужи звёзд и стали глубже,
По астралу путь до дому пролагая,
Полагая, что неправда, раньше – лучше,
По-другому, дорогому, дорогая.

Скоро время ноября, и мне родиться
Предстоит который раз – уже не страшно.
Я с утра поставлю водку в холодильник:
Будет день, и будет пища, будет праздник.

Я за время этой жизни научился
Фишки слов передвигать да любоваться,
Да с ума сходить небольно, да лечиться.
Остаётся научиться расставаться.

* * *

Струна ручья вплелась в струю гитары.
И песня стала хлебом и судьбой.
И вита нова нотами витала
Над прочей жизнью, прочной и скупой.

Всегда, в любой ночи есть, кто не дремлет.
Костёр горит. А что там, за кормой,
Что впереди – всё равно, ибо время
Несрочное в том доме. Мы – домой.

* * *

Снег идёт, потихоньку идёт, и день
Потихоньку проходит. Часы везде
Равномерны, но своенравный стук
Сердца мерит мирным свою версту.

Из надмирья сыплет песком воды,
Там свои счета, здесь свои следы –
Бело-рваной нитью прошита связь,
В непрожитой этой никто не свят.

По снегам ходить, по воде писать.
Ничего нельзя никому сказать.
Что бы было правдой наверняка...
Снег идёт, как шёл до того века.

Стихотворения, публикуемые впервые

«Пространство легко и открыто...» (с. 14)

«Только с голоса можно списать слова...» (с. 20)

«Простит простоволосая трава...» (с. 26)

«Тучи ушли. После разоблачения...» (с. 27)

Романтика (с. 43)

«Шурша полдневной пустотой...» (с. 54)

«Проигнорировать тему – реальность...» (с. 55)

«От инфляции банкротится октябрь...» (с. 63)

Содержание

Ерофеев С. «Майская» осень Мастера-Мая.....	4
«В сентябрь вновь расцветают "огоньки".....»	6
«... На моих плечах лежала нежность...».....	7
«Холодая голубизна...».....	8
«Много ль нужно помнить? – Нет, не очень...»	9
«Но как шершень осу уносит...».....	10
«Для вдохновения не нужно выбирать...»	11
«Легко без рифм и без безрифмья...»	12
«Легчайший солнечный текстиль...».....	13
«Пространство легко и открыто...»	14
«Ох, как красиво! Всё в междометьях...».....	15
«О, Господи! За что такое всё?...»	16
«Где Лациум? Где мы? И где Эллада?...»	17
«Только с голоса можно списать слова...».....	20
«Ты в свете – вся, и свет идёт с небес...»	21
«Судьба... Два слога, как в "Ау"...»,	22
«Бог справедлив по-своему ко всем...»	23
«Писать о том, что знаешь: о дождях...».....	24
«Есть близость душ, есть тел, как будто сил...».....	25
«Простит простоволосая трава...»	26
«Тучи ушли. После разоблачения...».....	27
«Сегодня будет день хорош...»	28
«Начать прилично с мелочей...»	29
«"Друзья". Я знал всегда, друзья...»	30
«Опять сентябрь. Старый маскарад...».....	31
«Нету желанья работать, стенать, возражать...»	32
«Октябрь – скоро. Ночи холодны...»	33
1 октября 2005	35
«Целый вечер продолжается вечность...»	36
«Всё счастья ждём, но... ожидаем вновь...»	37
«Мне не на кого жаловаться. Мне...»	38
«Я пишу лишь для тех, кто читает...»	39
«Коль красоты я не достиг...»	40
«По жизни черновик не перечёркивал...»	41
«Синее, жёлтое, млечный загиб...».....	42
Романтика	43

Листопад	44
«Светло под светло-синим с жёлтым...»	46
«Октябрь. В розовой воде...»	47
«Где я? Где я?...»	48
«Из чего? Из ничего...»	49
«Вот-вот окончатся хорошие октябрьские...»	50
«Сыро, октябрь всё сыплет и сыплет...»	51
«Есть костный хруст и есть зубовный скрежет...»	52
«Осенний ветер, ищущий тепла...»	53
«Шурша полднейной пустотой...»	54
«Проигнорировать тему – реальность...»	55
«Октябрь и, по-моему, среда...»	56
«Как славно выпить в октябре...»	57
«И это будет песня. Я не знаю...»	58
«Я вслушиваюсь в слова...»	60
«Всё получается из чая...»	61
«То листьями сохлыми пахнет...»	62
«От инфляции банкротится октябрь...»	63
«Ночь. Тишина. Шум сердечного стука...»	64
«Неравенство – врождённая узда...»	65
«Правда у тех, кто сильнее и умней...»	66
«Неудачник во всём... как там... кажется, looser...»	67
«Ежели жизнь не мираж, то вираж в миражах...»	68
Сонет	69
«Без артистизма, аристократизма...»	70
«Октябрь. С утра – воскресенье...»	71
«Я сыграю с осенью в карты...»	72
«Наглotalись лужи звёзд и стали глубже...»	73
«Струна ручья вплелась в струю гитары...»	74
«Снег идёт, потихоньку идёт, и день...»	75
Стихотворения, публикуемые впервые	76

На первой странице обложки –
рисунок Олеси Ходаковой (Новокузнецк)

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»